

ГЛАВА I

Клиника «Община Св. Георгия» закрылась на реконструкцию. Работы шли полным ходом. Казалось, и представить невозможно, сколько всего способны соорудить за столь короткий срок. Однако же возможно при достаточных ресурсах. Может, и с пирамидами в Египте было так? И нет никакой особой тайны, кроме производственной? Поди, тоже обыкновенные люди жили. И среди них запросто мог оказаться подобный Николай Александрович Белозерский, богатейший купец. Предоставил щедрые средства. Увлечённых профессионалов собрал, квалифицированных работников нанял сообразно масштабу задумки, и — нате, пожалуйста: хошь гробницу подземную, а хошь и замок поднебесный. Когда ум с делом не расходятся, ещё и не такое можно сотворить.

Рабочие, водрузившись на козлы, занимались серьёзным делом: состраивали электрическую проводку. Саша крутился тут же. Александр Николаевич Белозерский, единственный наследник кондитерской империи, скромный ординатор сверхштата, несколько месяцев как заведовал амбулаторным приёмом. Но практически круглосуточная занятость не мешала ему вертеться у всех под ногами. Вера Игнатьевна диву давалась, откуда у молодого человека совершенно сумасшедшая витальность. Не иначе как от природного богатырского здоровья и неуёмного шалопайства, проистекающего из отсутствия каких бы то ни было

житейских неурядиц. Мастеровой уваживал восторженный интерес барина с особым достоинством посвящённого в таинства, недоступные простым смертным:

— Тут, ишь, медная жила. По ней, значит, свет идёт, куда покладём. Жила, смотри, укутана в твёрдую гуттаперчу. Сейчас мы провод через бревно переведём, а на край — заглушку керамическую. Всё это хозяйство на чердак прежде заведено, нынче сквозь распределительные коробки разводим, для того и стены высверливаем. И, значит, кругом лампочки полуваттные, любодорого! Оно когда любо — всегда дорого!

Работники посмеивались тишком, оценивая подковырку старшего, но Саша смеялся от души. Он снискал их приязнь, хотя поначалу его сторонились, опасались: барчук, сын того, кто за всё платит, — не зря ли нос всюду суёт! Но скоро разобрались, что нос его в делах не слишком нанюхан, а интерес искренний, неподдельный — то бишь по делу. Александр Николаевич мир воспринимал как чудо, будь то чудо рождения или чудо электропроводки. Таковая черта, как известно, пока сохраняется в человеке, как уютный уголок посреди тьмы жизни, притягивает людей и призывает к доверию.

Повсеместную необходимость бесовского электричества более всех переживал Иван Ильич. «Оно и раньше было в клинике — понятно, в операционной без этого никак. Но чтобы по всем углам, включая ретирадные места?! Что там разглядывать?! А дальше что, информационный листок прикажут на горшке прочитывать?! То, что конюшню новую выстраивают, то ладно, — менял ход мыслей Иван Ильич, — прежняя мала была, спору нет. А раз расширение, так и лошадок новых закупят. То славно. И делу — крепость, и Клюкве — товарищество. Но в конюшне-то зачем электричество?!» В старой конюшне налаживают бабье крыло — это он пережил. К тому же для него специальное строение затеяли — оказана честь, он понимает это и принимает. «Но лампы-то зверям на что?! Да и дорого опять же!»

— Не животинам, а тебе, человеце! — подшучивал над Иваном Ильичом Владимир Сергеевич Кравченко, справедливо восстановленный в правах и званиях. — Целое хозяйство под началом станет! Командовать будешь конюхами. Работу организовывать. А что дорого, не переживай.

— Оно и верно. Чужие деньги считать — не разбогатеешь. Здоров буду — и денег раздобуду. Но я ж не про то! Я с конями да конюхами с закрытыми глазами работу организую! — огрызнулся Иван Ильич. — На что мне кругом электричество, словно в театре?! Лошадям хвосты крутить?

Иван Ильич сплёвывал под ноги. Отчасти он был доволен, хотя про себя иронизировал: ишь, начальник. «Это как же называться такому начальнику над лошадьми, кроме как конюхом? Пуцай и старшим. Все кругом нынче начальники, уже простым человеком быть не могли, только начальствуй над кем-нибудь. Каким же началом? Шишком али булатником?»

В бурной молодости заносило Ивана Ильича и в бурлаки. Бывал он в ватаге и водоливом, бывал и подшишельным. Всяким бывал. И у всякого своё имя было, чтобы по прозванию дело различать. «Не надо начальником называться, людей смешить. Хорошо было бурлачить, в молодости силушка молодецкая! Да тяжело! Так каждый день на тягость — довольствие: хлеб, масло, мясо — какая без скоромного сила, хоть бы и пост? Семинаристы, бывало, в сезон ходили, рубали будь здоров, без того не потянешь. Ещё кожен день пай: сахар, соль, чай, крупа, табак. И заработок отменный! Сезон отбурлачишь — зимой лежи на печи, сало топи».

Видал Иван Ильич картину про бурлаков на Волге¹. «Оно ж видно, малевальщику на глаз шаромыжники попались. А маляр, видать, из интеллигентов, жалостивый, труда не нюхал. Оно, конечно, всегда человеку человека жалко, ежели не разбираться. А ежели разбираться

¹ Вероятно, Иван Ильич имеет в виду картину Ильи Репина «Бурлаки на Волге». Автор бы и рад оспорить высказанное Иваном Ильичом мнение, но промолчит из благоразумия и в силу великого уважения к мудрости госпитального извозчика.

ся — ещё жалче. Да только когда артель годная, таких не берут и в халтурщики. Бродяги какие-то беглые, родства не помнящие, а не серьёзная бурлацкая артель. Художник, видно, добрый барин, вон как Сашка Белозерский! Тому волю дай — весь сброд притащит, кто только строителем обзовётся. Хорошо, его батюшка не допустил к переделкам».

— Ты, Иван Ильич, никак боишься электричества? — смеялся Владимир Сергеевич.

Иван Ильич удалялся оскорблённым до глубины души, потому что он и вправду боялся электричества. Свет солнца, свет луны — он понимал. Это естественно.

— Молния тоже так любимый тобой *Fiat lux*², — окликал вдогонку Владимир Сергеевич.

— Вот и видал я, как ваша молния может обходиться со строениями. Пыщ! — и усё. А потом и нету никакого свету! — едко отвечал Иван Ильич, сопровождая речь красноречивой пантомимой.

— Не бойсь! У нас всё по уму!

— Дурак дураком погоняет — откуда ж по уму взяться? — бормотал госпитальный извозчик, которого за глаза теперь именовали «начконом». Саша Белозерский ляпнул, сократив «начальник конюшни», и прижилось. И Александр Николаевич теперь страшно боялся, что наружу выплывет авторство «термина», и тогда уж Иван Ильич ему задаст. Потому некоторое время он избегал встреч со своим любимцем и тёрся около рабочих.

— Не нравится мне, Матвей Макарыч, реакция твоих зрачков на свет!

— Барин, подай-ка мне вон ту штуковину.

Ординатор Белозерский бросился подавать. Принимая у него «штуковину», бригадир хмыкнул, в который раз поймав взгляд барина:

— Что ты, Александр Николаевич, мне в зенки пялишься, будто я тебе красна девица?!

¹ Да будет свет! *Lux* (лат.) — свет исключительно естественного происхождения.

— Матвей Макарыч, давай мы тебе профилактическое дознание учиним, а?

— Это что за зверь?

— Проясним, как у тебя со здоровьем.

— Мне и без ваших дознаний всё ясно. Я, слава богу, силищи немеренной. Как батюшка говорил, когда порол: такой, что сильнее разума. Царствие ему небесное. Жил-был здоров, а потом — раз! — упал! — два! — помер!

Бригадир перекрестился.

— Правильно говорил ваш батюшка. Вот я вас и уговариваю поступить разумно, несмотря на силищу. Ваши зрачки неверно на свет реагируют.

— Лишь бы руки свет верно вели, а тут я дока. Отстаньте от меня, доктор! Вон ваша публика идёт.

По коридору несмело шла девушка, мертвенно-бледная, слегка покачиваясь. В весьма скромном, но чистом одеянии. Бригадиру, очевидно, было жаль бедную девушку.

— Идите, идите. По вашу душу. Хорошо, что есть куда рабочему человеку со своей нуждой прийти. Многое вам за то простится, доктор. А я здоров как бык! Вы на меня заботы не тратьте!

Матвей Макарович занялся своим делом. А Белозерский — своим.

— Здравствуйте! На что жалуемся? — эту формулу он пробормотал механически, в два прыжка достигнув девушки, сползающей по свежевыбеленной стенке, сравнившись с ней цветом. Саша подхватил её на руки, умудрившись наступить в ведро с краской, цвет которой бригадир именовал «половое бордо».

— Ёлки-палки, зелёные моталки! — со злостью и досадой пробормотал младший Белозерский с отцовскими интонациями, отшвыривая ведро. И это никоим образом не касалось ни испорченного башмака, ни разлитой краски. Знакомый запах *особенной* крови — вот что рассердило ординатора, чей талант акушера-гинеколога был признан даже суровой Матрёной Ивановной

Липецких, главной сестрой милосердия университетской клиники «Община Святого Георгия».

Александр Николаевич понёсся в кабинет, оставляя за собой кровавый след. Бригадир молча кивнул подсобнику: «Что застыл?! Прибери!» Тот мигом спрыгнул с козел, чертыхнув барчука за неуклюжесть:

— Чего он не смыл-то бегом?! Потом не возьмёт! У него ботинки, поди, дороже меня стоят.

Бригадир покачал головой: он понимал, почему барчуку не дороги ботинки. Не потому, что следующие купить не заржавеет. Не потому, слава богу, не потому! А потому, что верит чумовой барчук в своё дело. Матвей Макарович жил в твёрдой убеждённости: человек, который не верит в своё дело, должен оставить его. Бригадир верил в своё дело и оттого вернулся к электрической проводке. Но увидав, что подсобник неаккуратен, тут же окрикнул:

— Ты или учись, вражина, или уступи место другому!

Александр Николаевич был слишком хорошо знаком с тем, что произошло с пациенткой. С семнадцатого века в Российской империи аборт был приравнен к детоубийству. При Алексее Михайловиче Романове, Алексее Первом (Тишайшем), за аборт полагалась смертная казнь в полном соответствии с талионом — равным, симметричным возмездием, доступно изложенным в двадцать первой главе Исхода.

Сын его, Пётр Алексеевич Романов, заслуженно получивший прозвище Великий, слыл правителем жестоким, но смертную казнь за преступное плодоизгнание отменил. Однако до сих пор действовала 1462-я статья Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года, согласно которой виновными признавались лица как выполнившие аборт, так и сама беременная. И хотя сия проблематика неоднократно и громогласно обсуждалась, и правоприменительная практика наказаний за аборт была

не так уж и велика (если в принципе было бы возможно сосчитать бесчисленное количество совершаемых подпольных плодоизгнаний и абразий и сравнить с реальным количеством судебных процессов и наказаний), но сейчас перед Александром Николаевичем стояла непростая этическая дилемма.

Как врач и как человек он обязан помочь женщине, спасти её. И... донести на неё как добропорядочный гражданин и, как это ни странно, опять же как врач. Понятно, что процедуру делал бог весть кто, какая-нибудь бабка, в лучшем случае — повитуха. Если он не донесёт на несчастную, а лишь справится здесь, в университетской клинике, с последствиями дурно выполненной операции — он имеет все шансы лишиться лекарского звания, лекарской должности и отправиться в места не столь отдалённые, ибо наличие медицинского образования и разрешённой докторской практики в соответствии с Уложением являлось обстоятельством отягчающим. Да, вот так. Случайную безграмотную ослицу, губящую женщин неумелой процедурой, могут пожурить и отпустить, коли дело будет предано огласке. А дипломированный врач, благодаря знаниям и трудам которого женщина останется не только жива и здорова, но и репродуктивно пригодна, — имеет все шансы лишиться не только работы, но и свободы.

«Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром...» — назойливо и не к месту крутилось у Саши Белозерского в голове, пока он принимал решение. Точнее, обдумывал реализацию. На решение у Александра Николаевича ушло примерно... Ни в одном учебнике физики нет единиц измерения скорости мысли. Сразу пришло, мгновенно: сделать по уму, спасти, вылечить. Но не здесь. Не в государственной больнице, которая сейчас в состоянии ремонта. Срочно нужен Иван Ильич!

В кабинет амбулатории просунулась Ася:

— Александр Николаевич, Вера Игнатьевна велела прибыть на совещание...

Саша в момент оказался у дверей, перекрыв обзор. Ася добра, умна и хороша, но если увидит женщину без сознания, с окровавленным подолом на кушетке — тотчас же разнервничается, разочается, разжалееется. Этого не надо. Ординатор Белозерский уже ввёл всё экстренно необходимое, у него есть время. Велела так велела. Княгиня Данзайр долго заседания не проводит, не уважает напрасные словоблудия.

— Анна Львовна, бегу! Попросите Ивана Ильича запрятать.

Белозерский буквально вытолкнул Асю в коридор, а дверь кабинета амбулаторного приёма замкнул на ключ, что удивило её. Тем более она успела заметить на кушетке женщину.

В кабинете профессора Вера Игнатьевна Данзайр воцарилась на правах полноправной хозяйки. Профессор Хохлов официально сдал полномочия руководителя клиники из рук в руки, как и обещал. Он не из тщеславия ждал клинической конференции, зная, что случаи, предложенные к докладу, произведут фурор и значительно облегчат проведение ряда формальных бюрократических процедур в соответствующих департаментах. Вера при всём своём блестящем уме не до конца осознавала, насколько трепетно оберегал её Алексей Фёдорович, друг и учитель, а после спасения его племянницы — и *ондзин* княгини. Очень уж понравилось ему это японское словечко.

Необходим был громкий успех, чтобы настоящим делам хоть сколько-нибудь перестали мешать дела бумажные. Алексей Фёдорович Хохлов всеми фибрами души ненавидел бюрократический аппарат и полагал — считая, что полагает справедливо, — что если бы все бюрократические институты были когда-нибудь упразднены, то люди продолжили бы жить-поживать, плодиться и размножаться, и ничто во вселенной не изменило бы обычного течения. Профессор понятия не имел, что высказывает идеи анархизма, и, наверное, согласился бы с Иммануилом Кантом, что безвластие никак не поможет гражданскому процветанию,

поскольку закон без власти будет лишь пустой рекомендацией, что анархия способна искоренить зачатки добра, что нравственность, проповедуемая Новым Заветом, не всеобщая и даже не преобладающая, и что лишь ветхозаветная законность способна сохранить мало-мальски правомерное устройство общества. И что матерью порядка, в соответствии с Пьером-Жозефом Прудоном, свобода способна стать только при *положительной* анархии — то есть только в таком состоянии общества, когда людей нравственных больше, нежели безнравственных. Да только Алексей Фёдорович Хохлов не читал ни Канта, ни Прудона. И удивительным образом никак не связывал институты бюрократические с институтами властными. Удивительно для такого светлого ума. Видимо, настолько выводила его из себя всякая *бумажная* необходимость, что в этом месте у него случался сбой.

Его нетерпимость ко всякого рода бюрократии нередко приносила ему неприятности, но фатальные — никогда. Поскольку профессор Хохлов был человеком нравственным, чистым, честным, неспособным на то, что ему не раз пытались вменить в связи с несообразным документооборотом. Так что в глубине души, как ни стыдно ему было признаваться в этом даже самому себе, он испытывал огромное облегчение в связи с тем, что груз финансовой и документальной ответственности переложён теперь на плечи Веры Игнатьевны. Отнюдь не хрупкие и в размахе совсем не женские. Он тут же ругал себя за такие мелочные мыслишки и был готов по первому зову прийти ей на помощь во всём, что касается бумажных отчётов.

— Видимо, для того, чтобы внести в них чудовищный хаос! — смеялась Вера Игнатьевна в ответ на такие горячие заверения. — Мне достаточно знать, что вы рядом, мой дорогой учитель. Читайте лекции, больше времени проводите с семьёй. Соскучитесь — добро пожаловать в операционную и к кровати больного. Но от вашего вмешательства в бумаги — избави боже!

Вера Игнатьевна, признаться, сама не терпела бумаги, в особенности финансовые, и передоверила всё документальное ведение

реконструкции Владимиру Сергеевичу Кравченко. Княгиня же полностью приняла на себя административные функции, помимо всех прочих, которые никому не скинешь, поскольку и желания такого не имеешь. Ей нравилось быть главой клиники. Не потому, что Вера была тщеславной. Она была честолюбивой. И как все честолюбивые — сильные и ответственные — люди, считала, что только под её руководством всё пойдёт именно так, как задумано и как должно идти. Величайшее заблуждение всех твёрдых характером и крепких умом и телом людей. Впрочем, не будь таких индивидов на свете и свойственных только им заблуждений, кто знает, нашёлся ли бы тот, кто произнёс бы: «*Fiat lux!*»

Вера Игнатъевна собрала рабочее совещание, поскольку реконструкция близилась к завершению и уже скоро обновлённая клиника будет готова приступить к работе, а всё это требовало определённых структурных изменений. Профессорский кабинет в настоящий момент более походил на склад — сюда были перенесены мебель, книги, наглядные пособия. На плечи скелета был наброшен халат — профессор Хохлов никогда бы не одобрил подобного отношения к человеческим костям, а Вера Игнатъевна попросту не придавала этому значения. «В этом не было ни малейшего неуважения к плоти, напротив. Если задуматься, то и мы не ходим голыми, а если и ходим — то у нас на скелете есть мышцы и кожа». Эти глупые мысли лезли сейчас в голову Георгия Буланова, безногого инвалида, довольно скоро управившегося с протезами.

Он скромно держался в уголке с тросточкой — как раз около приодетого скелета. Он чувствовал себя не в своей тарелке из-за обилия в кабинете людей в белоснежной униформе, великолепного знака отличия их от простых смертных. На него никто не обращал внимания, и это его немного сердило: ишь, важные какие! Он уговаривал себя ни в коем случае не выпускать себя из узды, не изображать юродивого, шута. А быть достойным гражданином,

который смотрит другим не в седалища, а в глаза. Спасибо Их высокоблагородию!

— Через неделю, коллеги, состоится официальное открытие клиники. Благодаря нашим академически признанным успехам и щедрости нашего финансового партнёра, купца Николая Александровича Белозерского... И вот тут мы все должны понимать... — профессор строго обвела всех взглядом, отметив, что среди собравшихся нет Александра Николаевича. Нахмурившись, она кивнула Асе. И та даже не подошла к княгине, сразу поняв, что та хочет. Вернее — кого она хочет. Ася выскочила за двери и отправилась за ординатором Белозерским. — Мы все должны понимать, что просыпавшиеся на нас деньги — не цель, но средство!

Некоторое время Вера Игнатьевна говорила собравшимся об уже произведённых изменениях, хотя почти весь коллектив был в курсе, но сводный порядок никогда не бывает лишним. Затем перешла к кадровому составу. В кабинет вошёл Белозерский, умудрившись тут же обрушить пирамиду из стульев. Бросился поднимать, извиняясь за опоздание, и был удостоен возмущённого взгляда Матрёны. Вера ограничилась кивком, не прерывая речи.

— Заведовать сёстрами милосердия будет, как и прежде, Матрёна Ивановна Липецких.

Матрёна самодовольно, если не сказать надменно, усмехнулась, будто кто-то ещё, кроме неё, мог претендовать на это место! Но от Веры Игнатьевны не скрылась и мимолётная растроганность Матрёны Ивановны: мало ли что могло произойти в связи с переменами, спасибо, что сохранила место за мной!

— Анна Львовна Протасова назначается на испытательный срок старшей операционной сестрой, — Вера Игнатьевна оглядела кабинет. Ася пока не вернулась. Непонятно. Белозерский здесь. Вера чуть нахмурилась. — Матрёна Ивановна, передадите вашей протеже о её серьёзнейшем назначении.

Матрёна смутилась, про себя подумав, что задаст Асе трёпку. Сколько можно за неё краснеть!

— Руководить административно-хозяйственной частью и заведовать терапией будет доктор военной медицины Владимир Сергеевич Кравченко. Дмитрий Петрович Концевич получает повышение, — Вера Игнатъевна посмотрела не на Концевича, а на Кравченко, поскольку именно он лоббировал интересы ординатора сверх штата. — Отныне Дмитрий Петрович — штатный ординатор-терапевт, с соответствующим жалованьем.

Дмитрий Петрович кивнул с тем равнодушием, что нельзя было утверждать наверняка, нёс ли этот жест хоть какую-то нагрузку помимо этикета. Белозерскому наконец удалось собрать стулья в шаткую кучу, непохожую и отдалённо на прежнюю ладную пирамиду. Заметно нервничая, он опёрся на неё, чтобы перевести дух, и... вновь с грохотом обрушил. Кто стоял рядом — отпрыгнул. Матрёна скривилась, жестом дав понять Александру Николаевичу: не трогай Христа ради, сама! Белозерский послушно сделал три шага назад и... уронил вешалку. Все поневоле рассмеялись, кроме самого Александра Николаевича, что было весьма удивительно. Он был будто не здесь. Вера Игнатъевна знала его достаточно хорошо, чтобы понять: конкретно сейчас он чем-то увлечён настолько, что даже следующая новость никак его не затронет.

— Александр Николаевич Белозерский назначается старшим ординатором и главой акушерского департамента. Мне хотелось бы отметить особо, что доктор Белозерский самолично предложил структуру соответствующего отделения и внёс бесценные предложения по планировке. Вы свободны, Александр Николаевич!

Саша, к удивлению присутствующих не осознавший своего триумфального карьерного взлёта и оценок княгини, рассеянно кивнул и выскочил за дверь. Вера Игнатъевна сохраняла спокойствие. Все недоумённо переглянулись. Георгий, воспользовавшись непонятым замешательством, пришёл на помощь Матрёне,

сражавшейся со стульями, никак не желавшими составляться в пирамиду.

— Главой! Главой акушерского департамента он назначается! — прошипела Матрёна Георгию, просто чтобы хоть с кем-то поделиться. — Чтобы у той главы ещё голова работала! Где ж ему другими-то органами управлять, когда глава со своей головой не в ладах!

Георгий искренне рассмеялся не столько потому, что знал барчука, сколько потому, что заинтересовался Матрёной Ивановной.

— Хирургической частью, равно как и клиникой в целом, руковожу я, доктор медицины, профессор Вера Игнатьевна Данзайр. Господа Нилов и Порудоминский приняты в ординаторы сверх штата, поздравим их с успешной сдачей экстерном лекарского экзамена. А равно и господина Астахова, решившего посвятить себя важнейшей из медицинских наук — патологической анатомии. Так что и его мы будем частенько видеть в прозекторской клиники.

Вера инициировала аплодисменты, дружные, искренние: вчерашних студентов-полулекарей — сегодняшних начинающих врачей — здесь любили. Переждав, она продолжила:

— Я хочу представить коллективу моего персонального ставленника, Георгия Романовича Буланова. Наш новый санитар, прошу любить и жаловать. Полный кавалер Георгиевских крестов, герой русско-японской кампании и...

Вера мельком отметила молящий взгляд Георгия. Но она и не собиралась афишировать его безноготь. Не для того она вытаскивала его из крошечного ада жалости, чтобы с размаху окунуть обратно. Но более всего она отметила кривую гримасу Концевича, мимолётную, но ей хватило.

— ...И просто замечательный человек! — Вера Игнатьевна выдержала паузу. — Неудача войны, дамы и господа, не повод кривиться в сторону её реальных героев. Присутствующим здесь известно... Впрочем, это общеизвестно, что именно я выступала с резкой критикой иных аспектов проведения кампании.